

История философии

59 Гегель об абсолютном духе.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Мы вернулись к Гегелю, и сегодня я хотел бы завершить наше обсуждение Гегеля и, возможно, перейти к некоторым вопросам, которые возникли сразу после его трудов из-за особенностей его толкования. Но разговор, состоявшийся перед занятием, заставляет меня указать на две разные интерпретации Гегеля, которые, как мне кажется, влияют на то, насколько легко его понять. В течение нескольких лет в англоязычном мире существовала интерпретация, которая пыталась рассматривать его практически как рационалиста эпохи Просвещения XVIII века, пытавшегося дедуктивным путем разработать спекулятивную метафизику.

Другими словами, он пытался сделать по-своему то, что пытались сделать такие люди, как Декарт или Лейбниц. Иными словами, он был спекулятивным метафизиком. Однако с ростом влияния феноменологии в Европе в XX веке развилась альтернативная интерпретация, которая, как мне кажется, гораздо больше соответствует самому Гегелю, от которого развилась феноменология, и которую я пытался вам предложить по ходу нашего обсуждения.

А именно, мы должны серьезно отнестись к названию его главного труда, «Феноменология разума». Он не пытается что-то доказать или разработать хорошо аргументированную рационалистическую систему. Когда он говорит, что реальное рационально, а рациональное реально, он не использует это как повод для очередной спекулятивной метафизики.

Но вместо того, чтобы серьезно отнестись к феноменологии в том виде, в каком она стала пониматься в XX веке, он пытается описать, видите ли, феномен, сознание бытия. На уровне индивидуального сознания это ваше, мое сознание бытия. На уровне общества, возможно, это сознание бытия нации.

А что касается абсолюта, всеобъемлющего, осознания абсолютом своего бытия. Думаю, именно эта последняя фраза может показаться сложной. А вот ваше собственное осознание бытия – это уже не так сложно.

И, конечно же, именно на этом делается акцент в феноменологии XX века. Именно этим занимаются Жан-Поль Сартр, экзистенциалисты. Но Гегель стремится описать универсальный феномен собственного самосознания, осознания бытия, по мере его развития.

Например, в отношениях типа «хозяин-слуга», в межличностных отношениях. И в этом блуждании по ситуациям стойка, скептика, несчастного сознания и так

далее. Движения размышления, подобные тем, что происходят в собственном сознании.

Говоря об объективном духе, он имеет в виду то, как национальное самосознание возникает в свете концепции права и конституционного правления. Начинает формироваться национальная идентичность, понимаете. А когда он переходит к абсолютному духу, разделу, который мы рассматриваем сегодня, то мы переходим к третьей фразе.

Видите ли, это сознание бытия абсолюта. В богословском языке иудаизма или христианства ближе всего к этому можно подойти, говоря о знании Бога. И начиная с Августина и Фомы Аквинского, богословы действительно говорили о знании Бога, не только в нашем понимании Бога, но и в понимании Бога о знании Бога.

И Бог познает Себя. Самопознание Бога. Теперь, поскольку Гегель — метафизик, придерживающийся процессуальной метафизики, он, видите ли, думает о самопознании Бога не как об эволюционирующем Боге, а как об объективированном Боге в мире, который Он создает, понимаете, в ходе разворачивающейся истории Вселенной.

И он видит самопознание Бога как разворачивающееся в нашем самопознании, прежде всего, в субъективном духе, понимаете. И через мгновение, когда мы начнём говорить о его религии и богословии, мы услышим от него утверждение, что наше самосознание — это на самом деле самосознание Бога. Бог осознаёт себя через наше самосознание, понимаете.

Потому что если Бог — всеобъемлющее существо, то моё сознание — это конечный момент сознания Бога. И моё самосознание — это конечный момент самосознания Бога. Следовательно, знание Бога о Себе — это знание о Себе в нашем знании о самих себе и через него, через наше самосознание, наше сознательное бытие.

Понимаете? Но тогда самосознание Бога объективируется, скажем так, в Его размышлениях о мире природы, который Он сотворил. И, безусловно, в средневековой традиции, если вся природа в каком-то смысле отражала многообразное совершенство Божества, если мы, созерцая природу, стремимся созерцать совершенство Бога, то, несомненно, Бог, созерцая Свое творение, созерцает Самого Себя.

Понимаете? Но наиболее полное выражение, развитие, проявление самопознания Бога, знания о Его бытии, происходит тогда, когда форма мышления, логика, синтезируется с материей природы. Благодаря творческому воображению субъективного духа, как части сознания бытия национального

духа, Он говорит об искусстве разных культур, религии разных культур и философии разных народов.

Когда субъективность, творчество, воображение индивидуального духа в контексте национального самосознания своего бытия порождают искусство, религию и философию. Эти творческие выражения являются не только творческими выражениями человеческого духа, поскольку человеческий дух — это мгновение божественного. Творческое выражение божественного духа, понимаете.

Итак, существует феноменология, описывающая сознание бытия, понимаете, феноменология, феноменология сознания бытия, описывает его наиболее полно в этих проявлениях абсолютного духа. Если самосознание Бога находится в нашем самосознании и проявляется через него, а творчество Бога осуществляется в нашем творчестве и через него, то божественное сознание собственного бытия в мире искусства является еще одним творческим выражением человеческого духа. Теперь я думаю, что если вы будете читать Гегеля, имея в виду подобное, он будет проводить феноменологическое описание, описывая феномены.

Он проводит феноменологическое описание растущего сознания бытия. Не ждите от него доказательств старым способом.

Не стоит рассматривать это как умозрительную систему, не подкрепленную наблюдениями. Это скорее интроспективное или историческое наблюдение. И так до самого конца.

И поскольку история — это деятельность божественного духа, его рассуждения об искусстве, религии и философии носят исторический характер. Понимаете? Потому что именно в истории этих творческих проявлений движение абсолюта становится наиболее очевидным.

Хорошо, это понятно? Мне понятно, но мне интересно, а вам? Хорошо. Я сказал, что мы говорим о Гегеле через день. Но иногда помогает, если говорить по-разному.

Кейл? Есть ли у Бога какое-либо самосознание помимо нас? Помимо нас? Есть ли у Бога самосознание помимо нас? Я не знаю, что бы сказал Гегель по этому поводу. Потому что его акцент на феноменология в значительной степени связана с его самосознанием в нас и через нас. И это может зависеть от того, как вы интерпретируете его богословие.

Видите ли, он утверждает, что считает себя лютеранским христианином. Однако он категорически отвергает сотворение мира из ничего. И это важно.

Видите ли, именно это делает его пантеистом. Всё есть в Боге. Но если он пантеист, а не пантеист, вы вполне можете спросить: Кейл, ну, если всё есть в Боге, но Бог больше всего, остаётся ли у него какое-либо остаточное самосознание, которое не является нашим самосознанием, индивидуальным или коллективным? Видите ли...

Или же сотворение мира, так сказать, исчерпывает сознание божественного существа? Что ж, мне кажется, он должен сказать последнее. Однако я так не думаю. И, возможно, его ответ на оставшийся вопрос будет таким: история еще не закончена.

Таким образом, на любом этапе истории у Бога всё равно будет больше самосознания. Хотя это и звучит странно, у Бога будет больше самосознания. Но суть в том, что если сознание — это процесс, если он согласен с Кантом в том, что время — это форма сознания, то пока существует божественное существо и божественное сознание, в истории будет происходить всё большее количество событий, связанных с сознанием.

Но всегда ли это божественное сознание присутствует в творении и проявляется через него? И я не нахожу у него утверждений, что это не так. Но я не хочу делать преждевременных выводов. Единственное, что я могу добавить, это то, что если мы и можем что-либо узнать о божественном сознании, то только через творение.

А если это возможно только через сотворение, то что же остаётся от сознания, чего мы никак не можем знать? Что, как мне кажется, и следует из этого. Давайте посмотрим внимательнее.

Триада тезис-антитезис-синтез в историческом развитии абсолютного духа присутствует в искусстве, религии и философии. И первоначально интересно увидеть, как он различает эти три направления. Некоторые из вас, работающие в литературе или искусстве, возможно, задавались вопросом: в чем разница между тем, что делает литература, и тем, что делает философия, когда литераторы углубляются в философские размышления? И Гегель сказал бы, что это способ, которым выражение обретает артикуляцию.

Искусство использует образы, художественные образы. Конечно, и по сей день можно услышать, как люди в литературе говорят об образах, которые он использовал как писатель. Можно услышать, как Джоэл Шизли на кафедре живописи говорит об образах.

Недавно у него прошла выставка в Чикаго, которую мы посетили, в одной из галерей в районе Ривер-Норт. Там были всевозможные изображения

пригородов, которые казались усеченными и обрезанными. И если вы знаете Джозела Шизли, вы понимаете, что он пытался передать этими визуальными образами.

А именно, незавершенность, скудность жизни в пригородах, что составляет лишь малую часть картины. Его последняя выставка представляла собой серию картин о бедности в Латинской Америке. Сравните эти два события.

Вы можете увидеть, что он делает. Но с помощью визуальных образов. А поэт будет использовать словесные образы.

Слова стоят стольких нарциссов. Одинокое блуждание, словно облако, парящее над высокими холмами и долинами. Образы, возникающие в разговорах о романтическом видении жизни.

Вот в чём суть искусства. Немецкий термин Bild — изображение.

Очевидно, что термин «образ» родственен слову «воображение». В чем же заключается отличительная черта деятельности художника? Не столько в мастерстве нанесения красок.

Воображение — это способность создавать образы. Мышление образно, то есть, в образах. И это, конечно же, романтический взгляд на искусство.

Выражение человеческого духа. Воображение в воображении. И, соответственно, он прослеживает развитие истории искусства.

Вы находите выражение подобных вещей. Он, например, отталкивается от египетского искусства, которое было более религиозным и символическим.

В классическом искусстве больше внимания уделяется рациональной гармонии и порядку. В романтическом искусстве же порядок выходит за рамки обыденности в образном выражении. В нем происходит самопознание, раскрывающееся по мере того, как искусство обретает собственное понимание.

Сознательное бытие. А затем религия, которая говорит символически. Для Стеллума — это представление.

Это было кантовское слово, обозначающее представление. Но представление — это не реальность. Представление — это идея, которая олицетворяет реальность.

И в том виде, в котором Гегель использует этот термин, он приобретает особое значение. Символическое представление, изобразительное представление. Таким образом, религиозный язык — это язык символического повествования.

Это не обязательно притча. Историческая история. Миф и тому подобное.

Термин «миф» не определяет, является ли он историческим или нет. Мифос — это история, имеющая религиозное значение. Следовательно, религиозной формой выражения является это изобразительное представление.

Символы и тому подобное. Таким образом, он понимает религию именно в таком ключе. Символическое представление.

Он прослеживает историю религиозного самовыражения от восточных религий, которые были в значительной степени пантеистическими, где всё едино. В греческой религии, которая является политеистической, существует антитезис. Там много божеств, но конечные божества.

Для христианской религии, которая является тринитарной. Три в одном и один в трёх. Сочетание бесконечности Бога с конечным выражением божества.

Бесконечный дух, воплощенный во всей истории. Вот что означает воплощение. История воплощения — это символ того, как Бог присутствует во всем, что происходит в истории.

Эта история как раз об этом. Поэтому он считает тринитарное христианство высшим выражением религии. Христианская теология как её символы вполне уместна.

Но обратите внимание, что вопрос исторической истины остается нерешенным. Однако именно в философии вы находите чистое понятие как форму выражения. Философ в своем анализе понятий старается избегать метафор, образов и историй, а концептуализирует с помощью ясного и четкого мышления.

В этом и заключается функция философии: в работе с понятием бытия, с концепцией бытия. Не в создании образов или историй, не в создании картин, а в концептуализации несенситивным способом. Таким образом, мы получаем три формы выражения сознания бытия.

Но следует помнить, что хотя на одном уровне это может быть самовыражение индивида, в конечном счете это выражение божественного сознания, проявляющееся через индивида в культурном контексте. Таким образом, взгляд

Гегеля на религию довольно ясно прослеживается . Прежде всего , у него имманентная теология.

Иными словами, Бог присутствует во всём остальном. Трансцендентность Бога в традиционной иудео-христианской мысли заключается в его численном отличии от творения.

Это утрачено. Бог неотвратим. И, следовательно, любое представление о сверхъестественном рассматривается как религиозный символ, образ, а не как исторически достоверная информация.

Нет никакого акта божественного откровения, потому что всё, что происходит внутри человеческого духа, — это самопроявление Бога. Всё понимание заключено в этом внутреннем самовыражении. Это связано с концепцией смерти Бога, фразой, которую он использует, и которую подхватывают более поздние авторы.

Иными словами, смерть образа трансцендентного божества. Это концепция Бога, которая умирает в ходе развивающейся истории религиозной мысли. Во-вторых, он критиковал некоторые другие взгляды на религию.

Итак, назовем это его критикой Шлейермахера в его непосредственном контексте и Канта в вопросах религии. Кант, конечно, имел тенденцию сводить религию к этике, и Шлейермахер критиковал его за это. Но Шлейермахер, как правило, определял религию через чувство зависимости от всеобъемлющего абсолюта.

На что Гегель отвечает, что если чувство зависимости является ядром религии, то самым религиозным из всех существ является собака. Даже у Гегеля было определенное чувство юмора. Его мысль заключается в том, что в таком описании религии явно есть что-то феноменологически некорректное.

Помимо чувства зависимости, здесь присутствует воображение, присущее искусству. Здесь присутствует символическая деятельность, связанная с религиозными историями. Бог — сын.

Бог породил. Бог творит. Он создает.

Он — создатель. Видите ли, символика религии выходит далеко за рамки могущественных деяний Бога в истории. Но суть в том, что шлейермахеровский взгляд на религию слишком ограничен.

И это упускает из виду тот факт, что религиозные символы могут быть и действительно в философии и теологии переводятся в понятия. Таким образом,

философия пытается концептуализировать то, что символизирует религия. Именно поэтому история философии находит свою кульминацию в гегелевском идеализме с пантеистическим бытием.

Потому что это наиболее точное понимание того, что символизирует религия. Поэтому его богословское мышление проявляется именно в этом ключе, подчеркивая символизм и его философскую осмысленность. Другими словами, символы, в своем первоначальном значении, являются рациональными понятиями.

Рациональные концепции. Именно это привлекает его в христианской религии. Единое и множественное объединяются, и в этой рациональной концепции вы находите вершину ранней греческой мысли, выходящую за рамки атомизма и монизма к понятию «многие в одном» и «один в трёх».

Итак, хорошо, Гегель о религии. Теперь вопросы? Комментарии? Да, Трой. Кажется, пантеизм Гегеля больше похож на пантеизм.

Однако существует история христианских богословов или, по крайней мере, авторов богословских трудов, которые в некоторой степени придерживались пантеистических взглядов. Это было характерно для определенной части христианского платонизма, который развивался исторически. Вы помните вопрос в дискуссии о Платоне: был ли он дуалистом или идеалистом? Если он был идеалистом, то материя — это просто небытие, она не существует.

Таким образом, физические особенности — это просто проявления формы с физическими качествами, но без материальной основы. Теперь, если перевести это на язык неоплатонизма, эти проявления формы станут эманациями из единого. И тогда мы получим пантеизм.

Теперь, если вы обратитесь к некоторым кембриджским платоникам XVII века, эпохи позднего Возрождения, вы обнаружите, что некоторые из них не просто христианские платоники, а прямо говорят об эманации. Видите ли, они идеалисты в неоплатоническом смысле. На их влияние, я полагаю, оказал Джон Мильтон, чьи работы по христианской теологии говорят об эманации, а не о сотворении из ничего.

Любопытно. И все же, конечно, мы представляем Мильтона в его «Потерянном рае» как воплощение человека, занимавшегося православной теологией. Что ж, влияние Гегеля в XIX веке было настолько велико, что существовало немало христианского гегельянства, христианского идеализма (об этом я расскажу чуть позже), который также имел тенденцию к пантеизму.

Думаю, вполне справедливо будет обобщить, что когда христианство, христианская теология, сочетается с идеалистической метафизикой монистического, а не плюралистической, как в Беркли, в результате получается пантеизм. Так что в этом смысле, вы будете называть его теологию христианской или пантеистической? Ну, я упоминал вам на прошлой неделе, что наш старый коллега, Стю Хакетт, собирается провести семинар по Канту в это же время в следующем году. Помню, как мы обсуждали это, и он сказал: « Ну , кажется, есть и другие, которых логически можно свести к теистам, но сама по себе это неустойчивая позиция».

Итак, каков ответ на ваш вопрос? Возможно, и да, и нет. Гегель считал себя христианским богословом. Думаю, ему было бы трудно воспринимать всерьез халкидонскую формулировку доктрины Троицы в ее первоначальном виде.

Да, Спиноза, похоже, явно пантеист. И всё же очевидно, что эти немецкие идеалисты питают к Спинозе глубокое уважение. Вы найдёте их упоминания о нём.

Но в то же время они пытаются дистанцироваться от его пантеизма. В чём, с концептуальной, теоретической точки зрения, разница? И я думаю, ответ в том, что у Спинозы статичная вселенная и статичное божество. Следовательно, нет места для утверждения Келя о том, что Бог важнее космоса.

Природа или Бог — всеобъемлющие понятия. В случае Гегеля, в силу процесса, Бог всегда представляет собой нечто большее, чем на любом этапе истории космоса. Видите, отсюда и пантеизм.

Богу приписывается определенная степень инициативы, трансцендентности и свободы, особенно свобода в смысле творческого духа. Однако само понятие свободы у Спинозы не является популярным термином. Некоторые вещи, особенно такое утверждение, как наше самосознание, на самом деле являются самосознанием Бога.

Он сказал, что это высказывание очень напомнило мне мистицизм , традицию мистиков . Да-да. И мне интересно, не слишком ли это странно .

Да, видите ли, я думаю, что мистики Средневековья, не все, но, думаю, справедливо будет сказать, что большинство из них, были неоплатониками. Христианскими неоплатониками. Или еврейскими неоплатониками, в зависимости от обстоятельств.

В некотором смысле это исламское явление. И, следовательно, их выражение религиозной преданности говорило о воссоединении с божественным. Видите

ли, не просто о созерцании Бога, как выразился бы Фома Аквинский, а о некоем мистическом единстве с божественным.

Да, между ними есть сходство именно по этой причине. Платоновские, монистические идеалистические корни. А Карл? Ну, он бы сказал, что любая история о божественном вмешательстве символична.

Теперь вопрос в том, что в рамках этой концептуальной схемы это символизирует? Понимаете? Если рассматривать воплощение как вмешательство, или какое-то чудесное деяние как вмешательство, исход из Египта как вмешательство, то обратите внимание, насколько эти истории насыщены символикой.

Я имею в виду, вы же почитали, что говорят псалмопевцы об исходе. Видите ли, это история, имеющая огромное символическое значение для их веры. И подумайте, что говорят христианские гимны о воплощении или распятии.

Вопрос в том, что это символизирует? Карл, ты видишь здесь, как развивается разрыв между историей и верой. Понимаешь, для веры важен именно символ. Символы — это выражение веры.

Вместо истории, которая является основой веры и к которой вера обращается, историчность повествования не важна. Теперь, когда мы обратимся к Кьеркегорду, мы обнаружим, что он очень хорошо это осознавал.

Мы находим упоминание о так называемом «рва Лессинга». Немецкий учёный Лессинг указал на то, что существует логический разрыв, «рва», между историческим утверждением и утверждением о вере. Иисус Христос умер.

Он умер за наши грехи. Как перейти от одного к другому? Он воскрес из мертвых. Он воскрес для нашего оправдания.

Как перейти от одного к другому? Видите ли, это стало одним из главных вопросов в напряженности и конфликтах между либеральной и традиционной теологией в конце XIX и первой половине XX века. И остается таковым до сих пор. Крайне важно.

На мой взгляд, разговоры о непогрешимости — это всего лишь попытка подчеркнуть историческую достоверность повествования. Вот почему это важно. Но нет, это имеет решающее значение.

Это крайне важно. На самом деле, один из наших выпускников, Стив Эванс, который раньше преподавал здесь, в прошлом году получил один из крупных грантов Фонда Пью, который скоро получит Боб Робертс, — грант в размере 100

000 долларов, который позволит ему в течение трех лет заниматься исследованиями этой проблемы, ее истории и веры. Так что это по-прежнему очень актуальная проблема.

Эм... В контексте искусства, религии и философии существует ли какая-либо иерархия? Можно ли это сравнить с искусством, религией и философией? Нет. Видите ли, какова взаимосвязь между тезисом, антитезисом и синтезом? Видите ли, это не совсем иерархия.

Это не тот случай, когда второе заменяет первое, а третье — второе. Нет. В диалектике связь между тезисом и антитезисом такова, что тезис логически влечет за собой антитезис.

А тезис и антитезис вместе создают синтез, который одновременно сохраняет и отменяет все, что было раньше. И если вы хотите увидеть это поближе, посмотрите на это в рамках обычного процесса роста. Понимаете?

Где детский тезис, антитезис, отрицается взрослым, понимаете, и они соединяются на более позднем этапе. Что бы это сказать? Пожилой человек. Да.

Я не говорила о втором детстве. О пожилом человеке. Или приведу пример из ботаники.

В обеденное время я увидел крокусы у себя во дворе. Или это крокусы? Думаю, это латинское множественное число. Croci.

Тезис — это луковица, seemingly мертвая в земле. Антитеза — это маленький росток, дающий цветок. Но вскоре произойдет синтез.

Они отмирают через пару недель. И этот синтез станет основой для новой антитезы в следующем году. Из одного вырастает другое.

Это органическая модель. Первые крокусы всегда выглядят лучше всего за год. Маленькие, хилые создания.

Хорошо, что-нибудь ещё? Дэвид? В чём антитеза его философии? О, ну, там он прослеживает историю философии от греческой мысли через средневековую мысль, мысль эпохи Просвещения и великий синтез гегелевской философии. Немецкая философия его времени. А есть ли антитеза этому? Помню, мы говорили об этом на днях.

Нет, как только вы получите полный синтез, полную концепцию бытия, все, что вы будете делать дальше, — это детально ее детализировать. То есть,

небольшие диалектические движения внутри синтеза. Поэтому вся остальная история философии будет представлять собой серию примечаний к Гегелю.

Получается, что синтез представляет собой своего рода иерархию? Так и должно быть? Видите ли, дело в том, что если рассматривать всё в историческом контексте, то получится история искусства, параллельная истории религии, параллельная истории философии. Искусство, религия, философия. Понимаете?

И вы можете найти сходства повсюду. Вы знаете мою историю, просто переверните её набок, и вы всё поймёте. Так что у вас есть греческое искусство, греческая религия, греческая философия, и есть эти параллели.

Таким образом, можно проследить тезис, антитезис, синтез в этом направлении. Но можно также проследить это и в историческом контексте. В каком бы направлении вы ни смотрели, вы увидите диалектику.

Мне кажется, я говорю это потому, что религия — это, возможно, синтез искусства и философии. Да, это, очевидно, то, о чём склонен просить верующий. Но обратите внимание, что он не утверждает, что теология является антитезисом.

Религия — это противоположность. Существует разница между религиозным языком, то есть языком богослужения, языком благочестия, и теологическим языком, который стремится к точной концептуализации.

Понимаете разницу? Возьмем, к примеру, язык гимнов. О, к скале, которая выше меня. Скала. И там есть картинки.

Их часто подхватывают проповедники, рассказывая истории о людях, которые во время сильной бури прятались в расщелине скалы. Понимаете, скалы, которая находится выше.

Пространственный. Хотя это не совсем точно. Нет, потому что язык благочестия часто является языком искусства, использующим образы.

Это язык повествования. В то время как язык теологии — это язык концептуальной схемы. Концептуальной схемы, интерпретирующей теологическое значение повествования.

Понимаете, в чём разница между религиозным языком и богословским языком? Разница, если хотите, между языком Халкидонской формулы и языком проповеди в Книге Деяний. Понимаете?

Бог, пославший Своего Сына, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых. Такова проповедь Книги Деяний. Видите ли, тогда как язык Халкидонского собора довольно осторожен (и я сказал Халкидонский, а не Никейский), он представляет собой довольно тщательное осмысление трех Лиц Троицы.

Видите ли, сейчас в нём слышны отголоски этой истории, особенно в Никее. И, конечно же, Апостольский Символ веры по-прежнему остаётся историей религии, религиозной историей, Апостольским Символом веры.

Я верю в Бога Отца Всемогущего, Творца неба и земли (история). В Иисуса Христа, Его единородного Сына, Господа нашего, рожденного от Девы Марии (история). Распятого при Понтии Пилате.

Распятый, мертвый и погребенный, на третий день воскрес из мертвых. Откуда же он придет судить живых и мертвых. История, история, история.

Но он работает с этим различием между языком религиозного благочестия, который очень близок к языку искусства, образа. Понимаете? Но образы, которые теперь становятся символами.

Но он хочет понять концепцию. Поэтому, возможно, в рамках того, что он называет философией, необходимо также говорить о теологической концептуализации. Теологическая концептуализация.

Можно ли это назвать великим синтезом? Теологической концептуализацией. Тогда возникает вопрос о самом предположении. Имеет ли термин «великий синтез» какое-либо значение, если вы не верите в это развертывание божественного сознания в ходе истории? Нет, это уже другой вопрос.

Это еще один момент. Но мне кажется, что между религиозным и теологическим выражением существует своего рода диалектика. Видите ли, теолог работает над концептуализацией .

Затем он возвращается к богослужению и поет гимны со всеми образами и символикой народной религии. Да. И послушайте, как молится богослов.

Видите ли, в его молитвах часто присутствует религиозный аспект, в отличие от концептуального. И я думаю, это неизбежно, если рассматривать христианскую религию как нечто, связанное с личными отношениями. Потому что вы говорите об отношениях и людях в форме историй, а не просто концептуализаций.

Поэтому я склонен считать, что в разговорах о личностном Боге и отношениях с личностным Богом необходим сюжетный аспект. Особенно когда он известен благодаря своим поступкам. От этого никуда не деться.

Хорошо, давайте теперь на несколько минут перейдем к тому, что последовало за Гегелем. Переход. Что ж, есть два способа говорить о непосредственном влиянии Гегеля.

Один из аспектов — это левое и правое крыло религии. Левое крыло делает акцент на эволюции религии, её истории и символической природе. И это левое крыло, как можно понять из названия, в значительной степени стимулирует развитие либеральной теологии.

Обратите внимание, что Штумпф на странице 430 упоминает двух человек: Давида Штрауса и Бруно Бауэра, двух немецких библеистов. Штраус, автор книги «Жизнь Иисуса», во многом придерживался этой традиции. Они делали акцент на отождествлении Бога с человеческим духом, так что наша вера в Бога является проекцией нашего самосознания.

В конце концов, если Гегель говорит нам, что наше осознание Бога — это самосознание Бога в нас и через нас, то кто-то обязательно скажет: «Тогда мы можем думать о Боге в терминах нашего собственного самосознания». И это самосознание, обратите внимание на эту картину еще раз, становится линзой для размышлений о Боге. Этот подход становится очевидным в работах Людвиг Фейербаха, одного из тех, чьи отрывки я попросил вас прочитать на этой неделе.

Очень наглядный пример. Фейербах — один из главных деятелей, оказавших влияние на формирование мышления Карла Маркса. Иными словами, Фейербах был материалистом.

Материалист, который объединил гегелевскую диалектику самосознания с материалистической интерпретацией истории. Марксизм подхватывает это и развивает дальше. Так что у вас есть несколько отрывков из Фейербаха, в которых он говорит, и вот что интересно, о богосознании человека.

Гегель говорил, что богосознание человека — это самосознание Бога. Фейербах же говорил, что богосознание человека — это самосознание человека. А богосознание человека — это самосознание человека.

Таким образом, идея Бога, концепция Бога, — это нечто, что мы проецируем как продолжение нашего собственного самосознания. И мы приписываем Богу атрибуты, которые символизируют то, кем мы себя видим. Поэтому теология на

самом деле становится просто завуалированным упражнением в психологии и антропологии.

Всё просто. Суть религии заключается в отношениях человека с человеком. И это, по мнению Фейербаха, является одним из главных источников религиозного гуманизма, развивавшегося в XIX и начале XX веков.

Иными словами, гуманистическая религия, подобная той, что часто встречается в Церкви Единства. Где религия сводится к стремлению к человеческим идеалам. У Фейербаха это выражено очень четко.

Послушайте, я читаю отрывок № 239 из антологии. Религия, по крайней мере христианская, — это отношение человека к самому себе, к своей собственной природе. Божественное — это не что иное, как человек.

Человек освобождается от ограничений индивидуальности и становится объективным. Его воспринимают и почитают как отдельное, уникальное существо. Следовательно, все атрибуты божественной природы являются атрибутами человеческой природы.

Давайте посмотрим. Только когда мы откажемся от теологии, это будет 250. Только когда мы откажемся от теологии, отличной от психологии и антропологии.

И признать антропологию как самостоятельную теологию. Достигаем ли мы истинного, самодостаточного тождества божественного и человеческого? Тождества человека с самим собой.

Так что почитайте, хотя бы мельком ознакомьтесь с работами Фейербаха. Это отрывок из его труда о сущности христианства. Чрезвычайно влиятельная работа для того периода истории.

И это лежит в основе развития религии в рамках натуралистической философии в XX веке. Религия в рамках натуралистической философии. Когда Карл Маркс говорит, что религия — это опиум для народа, он опирается на слова Фейербаха.

Он опирается на идею о том, что религия — это форма сублимации наших собственных идеалов, наших желаний, которые мы проецируем в гипотетическое мифическое существо. Следовательно, религиозную символику нельзя перевести на язык, описывающий Бога.

Это просто язык, описывающий человеческое состояние и человеческие потребности. А место, где следует обращаться к человеческим потребностям, —

это не религия, а история марксизма. Вот что представляет собой левое крыло гегелевской религиозной мысли.

Правое крыло, как и следовало ожидать, исходя из названия, по сути, более ортодоксально в теологическом плане, сохраняя идеализм Гегеля и его пантеизм, но при этом придерживаясь довольно традиционного взгляда на христианство. И мы увидим больше этого у некоторых поздних идеалистов. Затем проводится еще одно различие между старыми и молодыми гегельянцами.

В то время как старые гегельянцы придерживаются более консервативной интерпретации, они согласны с тем, что Гегель довел философию до ее наивысшего расцвета. Речь идет об эволюционном идеализме XIX века. Эта гегельянская философия, вероятно, является системой, способной положить конец всем системам.

Таким образом, возникло обширное неогегельянское движение. По всей Европе, и особенно в Великобритании, оно охватило Оксфорд. В нашей стране оно было особенно сосредоточено в Сент-Луисе и стало известно как Сент-Луисская школа.

И у нас будет повод вернуться к этому позже. В следующий раз, собственно. Это противоречит взглядам молодых гегельянцев.

Те, кто хотел оставить Гегелю теоретическую, философскую концептуализацию, построение систем, теоретическую работу и обратиться к тому виду действия, который имплицитно заложен в мышлении Гегеля. Иными словами, они хотели больше обратиться к практике, используя современный термин, к практике, имплицитно заложенной в гегелевском мышлении. Где цель состоит не в созерцании мира, а в его изменении.

Не созерцать мир, а изменять его. Иными словами, быть действующим лицом в диалектическом движении истории. И, как вы можете догадаться, Маркс и Энгельс были одними из этих молодых гегельянцев.

Таким образом, в 1840-х годах возникла марксистская философия. Марксистская философия, известная как диалектический материализм. Как видите, материализм происходит от Фейербаха, который, используя его любимое выражение, перевернул Гегеля с ног на голову.

Фейербах перевернул Гегеля с ног на голову. Как? Утверждая, что наше богосознание — это не божественное богосознание Бога, а наше собственное самосознание. Таким образом, мы получаем материализм Фейербаха и логику Гегеля, диалектику Гегеля.

Таким образом, у нас есть диалектический материализм, который также известен, и это важный момент, как исторический материализм. И обратите внимание, что это означает. Это не означает материализм в том виде, в каком он существовал на протяжении всей истории.

Марксист не думает о возвращении к более ранней философии на более раннем этапе истории. Нет. Исторический материализм — это материалистическая интерпретация истории.

Материалистическая интерпретация истории. Видите ли, история — это сфера практики, действия. И поэтому вам нужна материалистическая интерпретация истории, чтобы вы могли прикоснуться к действию истории, к практике.

А материалистическая интерпретация истории, конечно же, основана на диалектике. Вот почему её называют диалектическим материализмом. Диалектика — это тезис, антитезис, синтез истории.

Но, видите ли, движущей силой являются материальные условия истории, а не абсолютный дух. Поэтому вместо того, чтобы история была проявлением абсолютного духа, как это бывает в идеалистической интерпретации истории, где можно сказать, что историю создают концепции.

В материалистической интерпретации истории именно материальные условия творят историю. Что это значит? Силы и средства производства. То есть экономические условия, которые формируют историю.

Таким образом, мы получаем экономический детерминизм, классовую борьбу, которая является динамической силой в истории. Это изменение в истории, классовая борьба, тезис и антитезис. Именно так развивался марксизм.

Вы понимаете, о чём речь? Хорошо, в следующий раз мы поговорим об идеалистах XIX века, помимо Гегеля. И я дам вам список из примерно 50 продуктов.